

«Я там, а вы — здесь. Счастливо оставаться» Латентное автоинтервью Егора Летова и история выпуска «Сто лет одиночества»

Сегодня любая школоты, лишь накануне узнавшая от больших ребят, откуда берутся дети, может завести в интернете блог, чтобы поделиться этим открытием со всем миром. В конце 1980-х социальных сетей не существовало, а результаты неожиданных озарений находили себе место на стенах подъездов, туалетов и на заборах. Кстати, вы заметили, что с развитием интернета стены общественных туалетов стали чище? Настенное творчество не подвергалось цензуре и хорошо подходило для массового выражения сильных чувств. В тех же случаях, когда жизненную позицию было невозможно выразить в трех буквах (или на трех аккордах), на помощь расстроенному мозгу приходил самиздат. Особенностью рок-самиздата была заветная искренность и дремучая субъективность.

[«Лента.ру»](#) и [«КонтрКультУр'а»](#) продолжают совместный проект, посвященный опытам креативного саморазрушения русского рока и бытописанию 1980-1990 годов. В этом выпуске мы публикуем фрагменты «латентного автоинтервью» поэта, музыканта и лидера «Гражданской обороны» [Егора Летова](#) и собственный рассказ о том, как была варварски погублена наиболее концептуальная часть легендарного альбома «Сто лет одиночества».

Предыстория следующая. В 1990 году Летов собрался издавать собственный журнал «Передонов». Ему было что сказать, но журналистам он, мягко говоря, не доверял, а потому решил сделать всю работу сам. Сам спросил — сам ответил. «Передонов» так света и не увидел, а автоинтервью мы извлекли из архива самиздата («КонтрКультУр'а» №3 за 1991 год).

Егор Летов (поэт, музыкант)

О музыке и о себе

Впервые с рок-н-роллом я столкнулся, когда мне было лет восемь, — это может мой братец подтвердить. Он тогда жил и учился в Новосибирске, в Академгородке, в ФМШ, кажется, и вот однажды он привез оттуда несколько пластинок — The Who «A Quick One», битловский «Револьвер» (американский) и Shocking Blue «Scorpio's Dance» — с целью записывать их всем желающим по тройку и этим, стало быть, поправлять свое материальное положение. То есть цель была сугубо рациональной — рок он никогда не любил... Тогда он джаз еще не слушал — только классику — Моцарта, Бетховена и иже с ними.

Так вот. Когда я впервые услышал песню The Who (уж не помню, как она называется — третья на первой стороне; первые две не играли — кусочек пластины был отколот), я получил одно из самых убойных потрясений в своей жизни. Я просто о.....!!! (очень удивился). Я сразу для себя понял — вернее, что-то во мне внутри поняло, — вот оно, и в этом весь я, и это — для меня. Я всецело, по гроб обязан брату за то, что через него я так рано

пришел в себя. Брат довольно долгое время записывал мне всевозможный рок — Beatles, Uriah Heep, Led Zeppelin, Pink Floyd, Nazareth, Iron Butterfly и многое другое — при этом ругательски ругал все это. Потом мне многое записывали омские знакомые брата, затем я и сам стал покупать и менять пластинки — и вот с тех пор я как бы junkie этого дела.

А что касается вкусов, то все происходило следующим образом: начал я с 60-х (Beatles, Creedence, Rolling Stones, Who, Country Joe & The Fish и пр.), затем лет с 12-ти с головой погрузился в «забой» (Sabbath, Led Zeppelin, Deep, Heep, Atomic Rooster, Nazareth). Лет в 16 я врубился в Van der Graaf, King Crimson, Gentle Giant, Yes и, особенно, в ранних и средних Genesis — в немалой степени из-за их текстов (я с детства, опять же благодаря брату, довольно неплохо знаю английский). Я до сих пор с удовольствием слушаю «Supper's Ready», «Trespass», не говоря уже о «From Genesis to Revelation», который вообще один из моих налюбимейших альбомов в роке.

И вот, лет в 18 я понял, что все эти симфо-роки, арт-роки и прочая «умь» — полное дерьмо по сравнению с самым наиничтожнейшим альбомом ну... допустим, Quicksilver Messenger Service или Jefferson Airplane. Таким образом я вернулся вновь в психоделические 60-е (Woodstock, первые Pink Floyd, Hendrix, Love, самый ранний Captain Beefheart и, особенно, Doors), тем более, я тогда был крайне «хиппически» настроен.

Затем, году в 82-м или в 83-м, мне совершенно случайно попала запись «Never Mind the Bollocks...», и мне как-то нутром дико понравилось, хотя умом я понял, что это крайне противоречит — с музыкально-эстетической точки зрения — всему тому, что наполняло меня в эти годы. Этакое как бы раздвоение произошло. Я как раз тогда собрал «Посев». А затем я услышал Adam & The Ants «Kings of the Wild Frontier» и первый Specials. И я слушал весь вечер то одно, то другое, и тогда как-то вдруг, в один момент, понял всю эту музыку. Понял в смысле принял. И я вошел в нее. И я ходил тогда в шинели, в булавках, слушал регги, new wave, ska и Rock in Opposition. И вот тогда и возникла «Гражданская Оборона», когда я Кузю Уо встретил. Это была осень 84-го.

И с тех пор я все эти годы пережевывал множайшие массы новой музыки — и punk, и post-punk, и trash, и industrial, и hardcore, и... чего я только не слушал, и вдруг однажды словно вздрогнул и проснулся. Ибо вдруг в некий ослепительный момент осознал, что все это звуковое нагромождение 80-х — даже наилучшие образцы (Joy Division, например, или Scars) — кучка кала по сравнению с теми же Love, Doors, MC5, Stooges, Screamin' Jay Hawkins'ом, Troggs, Hendrix'ом, Barrett'ом... да с теми же Shocking Blue! Все это — и панк 80-х, и шумовая сцена, и Birthday Party, PIL всяческие — все это ненастоящее. За всем этим, кроме распухших амбиций и умственно-технических вывертов, нету ничего. Это все — кукольное, по большому счету, хотя и были (да и всегда есть) исключения — Dead Kennedys, к примеру, или Dressed Up Animals. А тогда, в 60-е, особенно в Штатах (Англия все-таки страна по территории тщедушная, а это немало, на самом деле, означает), — любая самая дерьмовая команда, типа St. John Green или Crome Syrcus — каждой нотой доказывала, что все не зря.

Послушаешь, и так и хочется сказать что-нибудь типа: «Это — так». А главное, что даже формально (о содержании и энергии я просто молчу!) все, что натужно и пыхтя выскребали по сусекам Ники Кейвы, Сюкси, Лайдоны, Смиты, Страммеры и им подобные, — все это с говном содержится и в Velvet Underground, и в 13th Floor Elevators, и в Seeds, и у Kim'a Fowley, и в техасских гаражниках, и в детройтских. Да в том же [Bo](#)

Диддли! Вот таким манером я как бы все время возвращаюсь все к тому же — в ту же точку — но обретая каждый раз новый, более широкий взгляд на то, что покидал на время.

О «Гражданской Обороне»

Мне кажется, что мы («Гражданская Оборона») — группа конца 60-х. По духу. По идее, которая в нас. Для меня 60-е — Родина. И дух, и иллюзии, и надежда. Может, это потому, что я так рано начал... натурально с детства. Но я очень хорошо и близко понимаю тех, кому сейчас за 30, — тех, кто тоже был сведен, выбит из ума навсегда рок-н-роллом и всем, что его сопровождало в те годы... И мне кажется, как раз они-то и понимают или способны по-настоящему понять наши песенки. Во всяком случае, представители именно этого поколения из Академгородка Новосибирска первыми приняли то, что мы стали делать в 1984-1987 гг. В Академгородке до сих пор что-то такое из тех времен все еще ощущается — что-то правильное... настоящее. Родное.

У нас ведь все это происходило в 80-е, формально опоздав на два десятка лет, но по сути, может быть, имело и более крутые масштабы, как у нас все обычно и происходит... Я не жалею! Мне, наоборот, повезло. Мне грех жаловаться. Рок — это последние искорки этакого вселенского кострища — которое либо само выгорело дотла, либо его потушили — из высших соображений.

О вере и надежде

Каждый раз, как закончу очередную какую-нибудь вещь — альбом ли, песню ли... — кажется, все. Дальше некуда. И ничего. И каждый раз вновь, по прошествии времени, напрягаешься, и прешь, и прешь... Вот Тарковский в одном интервью говорил о том, что ему больше остальных-прочих близки люди, осознающие свою ответственность и имеющие надежду. Может быть, это и есть — надежда. Она и вытягивает каждый раз, заставляя вновь «шаг за шагом наутек». А иногда мне кажется, что самое сильное и настоящее — если отказаться и от надежды. Вот тогда-то, может быть, все и начнется!.. И все-таки, не знаю — слабость это или сила — надежда. Дело в том, что я всю жизнь верил — верил — в то, что я делал. Я не понимаю, как без веры и надежды можно что-либо вообще делать — хотя бы и гвозди забивать! Все, что не имеет в себе этой веры, — не имеет и силы и являет собой, стало быть, то, что и являет (а ныне так повсеместно), — стебало.

Да. Так вот. Пока я верил, что то, что я делаю, свернет на фиг весь этот миропорядок, — я и пел, и писал, и выступал. А теперь вышла ситуация из-под контроля. Проехали! вижу я, что никому это на ... (фиг) не нужно. Теперь, во всяком случае. Это как развлечение стало для них для всех. Этаким цирком. А развлекать кого бы то ни было я вот че-то не хочу. Вот не возникает у меня почему-то этого весомого желания. Пусть этим Пригов и Ко занимаются. И Мамонов. Бердяев, судя по всему, прав оказался — действительно, настал катакомбный период для носителей, хранителей культуры. Все превратилось в слизь и грязь. Стало быть, надо уходить отселе пока не поздно — незачем свои святыни на всеобщее осмеяние выставлять.

Об альбоме «Сто лет одиночества»

Хотел я, по правде сказать, записать напоследок альбом... о любви. Давно хотел. И назвать его «Сто лет одиночества». Это очень красиво и здорово. В этом очень много любви — «Сто лет одиночества».

Об анархии

Анархия — это такое мироустройство, которое лишь на одного. Двое — это уже слишком, безобразно много. И, судя по всему... все кругом испокон печально доказывают то, что и на одного-то — это уже слишком жирно.

Вот, собственно, и все, кроме... самого главного из всего, что хотелось выразить. Пусть не сложится мнение, что, мол, я сдался, сломался, и... я никогда не смогу себе это позволить — так как лидер группы «Гражданская оборона» никогда не проигрывает — он этого себе не позволяет и не имеет такого права. Это как в «Handsworth Revolution» Steel Pulse — нас уничтожают, нас мочат, нас попирают, но все, что я есть, это — «Вавилон падает!». И так оно и есть. Он падает наглядно. И скоро окончательно (упадет) — и то, что происходит сейчас, это история про Содом и Гоморру! А насчет духа, — так он ведь всегда и везде, ничего ему не сделается, если где-то и убывает, то где-то прибавляется, и я знаю, что оно есть, и там все наши — и художник Пурьгин, и скульптор Сидур, и режиссер Параджанов. И я там, а вы — здесь. Счастливо оставаться.

(29.XII.1990. Омск)

Петр Каменченко («Лента.ру», очевидец, соучастник)

BSA-Records: городской сумасшедший и психиатр на побегушках

В начале 1990-х Саша Олейник, известный в системе как Сталкер, решил издавать музыку на только входящих тогда в обиход компакт-дисках (CD). И не абы какую, а отечественный рок, на который был уже немалый спрос. В рок-тусовке того времени Сталкер был весьма заметным персонажем. В Центре [Стаса Намина](#) он числился «директором пролетарского джаза» (так было записано в трудовой книжке), писал тексты для «Бригады С», Жанны Агузаровой и некоторых других исполнителей, постоянно носился с дикими проектами и слыл городским сумасшедшим.

Сталкер зарегистрировал издательство BSA-Records, куда и пригласил меня мастером на все руки с широкими полномочиями. Психиатр на побегушках — а в то время я еще продолжал трудиться по основной специальности — был ему необходим.

В родном отечестве — на Уральском заводе — CD делали в то время исключительно убогие, да еще и крали по установившемуся обычаю третью часть тиража. В связи с этим Сталкер решил производить русский рок за границей. А конкретно на Sony-DADC в австрийском городе Зальцбурге. Раस्ताможивались CD при посредничестве и особой заинтересованности Московской патриархии, как спиртное, сигареты и еще много чего, что [РПЦ](#) помогала в то время растаможивать хорошим людям.

Одним из наших заказчиков стал «ГрОб-рекордз» Егора Летова, захотевший издать дискографию «ГО» на CD. Как, о чем и с кем конкретно договаривался Сталкер, я так и не понял, но в какой-то момент в офисе

BSA-Records, расположенном в техническом помещении Госстандарта на Ленинском проспекте, появился директор Летова — человек с жуликоватыми манерами и соответствующей им фамилией. Позже Женя Грехов сбежит от Летова с кассой «Русского марша».

Грехов вывалил из авоськи кучу пленок (DAT). На расспросы: что это и что с этим делать — директор предложил разбираться нам и исчез навсегда. Сам Летов устранился от процесса еще раньше и на призывы не отвечал.

Мне предстояло разобраться с пленками: рассортировать их по альбомам, сделать ремастеринг, согнать на новый DAT и отправить все в производство на Sony DADC.

Поклонником Летова я не был и репертуар «Гражданской Обороны» представлял себе лишь в самых общих чертах. На пленках же оказалась какая-то каша, трек-листы не соответствовали записям, одни и те же песни повторялись по несколько раз в разных вариантах с кучей «грязи» и цифрового мусора. «Мастерили» на студии в ныне покойной гостинице «Россия». Чтобы попасть в 80-минутный формат (максимальное время для CD), я выбросил повторы, что-то подрезал, что-то сократил, убрал слюни у Летова изо рта...

Альбом «Сто лет одиночества» заканчивался несколькими минутами цифрового шума, треска, шуршания и прочих звуков, не поддающихся идентификации.

— А с этим мусором, что делать будем, — задал вопрос инженер звукозаписи, крутивший ручки.

— Давай тут фейд-аут сделаем, уведем звук секунд за пять, — принял я вполне очевидное решение. — «Сто лет одиночества», звук затихает, тишина... Красиво получится. И в 80 минут уложимся.

Так и сделали. Альбом вышел в диджипаке, неплохо продавался. Даже получил «Золотого волчка» — приз за лучшее оформление CD 1994 года, присуждавшийся тогда компанией «Триарий». Я же занялся следующим проектом.

Фашист, коммунист, пидарас...

И вот однажды ночью у меня зазвонил телефон.

— Алло, Петр? Это Егор Летов, — нормальный голос в трубке.

— Да. Здравствуйте, Егор.

— Как твоя фамилия? — теперь голос звучал хрипло и зловеще.

— Каменченко...

— морда, фашист, коммунист, пидарас..., — голос сорвался на высокочастотный визг.

— А в чем, собственно дело?

— Это вы «Сто лет одиночества» ремастировали? — спокойно, даже с некоторым сочувствием поинтересовался Летов.

— Да.

— Тварь, падла, фашист, коммунист, пидарас..., у меня здесь тысяча боевиков, сейчас мы к тебе придем, будем резать, убивать, вешать на столбах, с живого кожу сдерем..., — Летов вопил в истерике минут пять.

— Да что случилось-то? — удалось мне вставить в паузе вопрос.

— Сука, тварь, фашист...

Постепенно выяснилось, что тот самый «цифровой мусор», что я так безжалостно изничтожил, был важным концептуальным решением и нес главную смысловую функцию всего альбома. Егор собирал его несколько лет (в это я не поверил!) с разных пленок, и в его понимании «Сто лет одиночества» должны были заканчиваться двумя-тремя минутами именно такого треска и писка...

Вот так, по неразумению и разгильдяйству, был уничтожен шедевр. Жизнь мне сохранить удалось, позже я несколько раз встречался с Егором, но об этой истории и нашем ночном разговоре никто уже не вспоминал.

Сегодня все издания [BSA-Records](#) считаются коллекционной редкостью.

(23.XII. 2017. Москва)